

УДК 373.1: 271.2:2-472(470.2)

**ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные закономерности складывания и функционирования системы церковно-приходских школ в Олонецкой епархии. Выявлено, что становление приходских школ связано с рядом факторов, в числе которых доминирующей стала борьба против старообрядческого влияния. Развитие системы приходских школ опиралось на всестороннюю, в том числе финансовую поддержку со стороны Синода, представителей местных коммерческих структур и крестьянских сообществ. Развитие системы образования и усложнение стоящих перед ней задач закономерно приводили к необходимости всестороннего повышения грамотности приходского духовенства.

Ключевые слова: духовенство, Церковь, миряне, школа, обучение, пение, грамотность, иконопочитание, образование.

**PARISH SCHOOLS OF THE OLONETS DIOCESE
IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES**

Pulkin M.V.

The article examines the main patterns of the formation and functioning of the parochial schools system in the Olonets diocese. The author finds out that the formation of parish schools is associated with a number of factors, among which the dominant one was the struggle against Old Believer influence. The development of the parish school system was based on comprehensive, including financial support from the Synod, representatives of local commercial structures and peasant communities. The development of the education system and the increasing complexity of the tasks facing it naturally led to the need for a comprehensive increase in the literacy of the parish clergy.

Keywords: clergy, Church, laity, school, learning, singing, literacy, icon veneration, education.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации» (2024-2026) 124022000029-0.

В XIX – начале XX вв. в России получило повсеместное распространение новое позитивное явление в духовной жизни – активное и регулярное участие священников в обучении подрастающего поколения. Исследование истории церковно-приходских школ является одним из популярных направлений в изучении прихода. Историки подчеркивают особую роль приходской школы в распространении грамотности и церковного просвещения в самых отдаленных уголках епархий [1, с. 118-126; 10, с. 21-30; 11, с. 294-346; 48, с. 59-68]. Становление и интенсивное развитие системы начального церковного образования опиралось на давнюю, но далеко не повсеместную традицию обучения детей основам грамотности в стихийно возникающих школах при приходских церквях. Начало благородному и приносящему дополнительный заработок делу положили статьи Стоглава (середина XVI в.), предписывавшие духовенству «учинити в домах училища» [49, с. 75]. Учителями в приходских школах становились клирики, нуждавшиеся в дополнительных доходах и видевшие свое предназначение в образовании подрастающего поколения.

Законодательство XIX в. вменяло в обязанность епархиальному начальству «располагать и поощрять приходское духовенство к заведению и поддержанию при церквях училищ, в виде простом и приспособленном к народному быту» [51, с. 7]. Масштабное продолжение благого начинания приходится на изучаемый период. В указе 1805 г. Александр I призвал приходское духовенство активнее участвовать в деле народного образования [46, с. 43]. В ответ олонецкое епархиальное начальство, «заботясь о воспитании детей в духе православия, предписало сельским священникам посвящать свободное от их обязанностей время обучению детей». Особых успехов здесь добиться не удалось: «благодетельное распоряжение нашло весьма слабое

сочувствие в священниках, из коих едва некоторые только занимаются обучением по возможности» [14, л. 5]. В 1836 г. Синод, имея в виду противостояние старообрядческому влиянию, составил краткие «Правила для первоначального обучения поселянских, в том числе и раскольнических детей», предназначенные исключительно для Олонецкой епархии. Затем с изволения императора правила распространились и на другие епархии. Обязанность обучения крестьянских детей целиком возлагалась на приходское духовенство [45, с. 283].

В 1861 г., подводя итоги деятельности церковно-приходских школ, олонецкий архиерей отмечал первые, но пока скромные успехи учебных заведений в противостоянии «расколу». Как говорилось в отчете епископа Синоду, «дети, получая нравственные понятия о вере, Церкви и богопочтении и в то же время приобретая навык ходить к богослужениям в храмы и ежегодно исполнять христианский долг очищения совести, предохраняются от влияния раскола на всю жизнь». В свою очередь, родители, отдающие своих детей «на обучение духовным лицам», сами «более сближаются с духовенством и начинают питать к нему более уважения, доверия и любви» [37, л. 39]. В последующие двадцать лет «деятельность духовенства в школьном вопросе не получила широкого размаха в масштабах государства», хотя духовное начальство побуждало священников активнее участвовать в обучении подрастающего поколения [23, с. 156].

Опыт деятельности церковно-приходских школ обобщен в сборнике распоряжений, регламентирующих их деятельность в общероссийском масштабе. Во второй половине XIX в. главная задача школ по-прежнему состояла в образовательной и церковно-просветительской деятельности. Цель деятельности школ состояла в том, что «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания». Они существовали под надзором местного духовенства, получая средства от приходских попечительств, братств, «земских и других общественных или частных учреждений и лиц, епархиального и высшего

духовного начальства, а равно из казны» [42, с. 12-13]. В процессе образовательной деятельности круг задач, стоящих перед церковно-приходскими школами, существенно расширялся. Заметную роль они по-прежнему сыграли в борьбе против старообрядческого влияния. Противостояние «расколу» сопровождалось серьезной аналитической работой. Трудящиеся в школах священники обязывались «сообщать в школах на уроках Закона Божия сведения о расколе по программе, утвержденной Св. Синодом для школ Олонецкой епархии» [8, с. 755].

Новшество заключалось в активной роли школ в реализации национальной политики. В 1870-х гг. школы были оценены Синодом и министерством образования как незаменимое средство в деле распространения русского языка. На общероссийском уровне эта идея наиболее отчетливо сформулирована Н.И. Ильминским. Он предлагал сделать «орудием первоначального обучения для каждого племени <...> родное наречие его». Учителями школ для «инородцев» следовало назначать выходцев из местных народов или русских, в достаточной мере владеющих «инородческим» наречием. В процессе обучения предполагалось активное использование русского языка: «как только усвоят себе довольно значительный запас русских слов и выражений, начинают обучаться русской грамоте». Далее предусматривался полный переход в преподавании на русский язык и совместное обучение «инородческих» и русских детей [50, с. 20-21]. В 1902 г. появилось новое положение о церковных школах православного исповедания. Суть нововведений заключалась в разделении школ на начальные и учительские, четком определении перечня предметов в тех и других, указании размеров вознаграждения учителям, их прав и способов поощрения за успехи в преподавании [24, с. 3].

Реализация правительственных предначертаний оказалась непростым делом. К середине XIX в. стало очевидно, что первое «сражение за руководство начальным образованием» Церковь проиграла [44, с. 447]. Неблагоприятную тенденцию удалось преодолеть лишь спустя длительное время. Оценивая

положение дел в церковно-приходских школах, епархиальный архиерей в 1870 г. обращал внимание Синода на ряд недостатков в их деятельности. Во-первых, материальная необеспеченность духовенства «не позволяет ему достаточно времени уделять на безмездные занятия в училищах». Прихожане «оказывают весьма мало поддержки своим приходским училищам». Пособия от земства и Министерства народного просвещения «только еще начинаются и пока в самых ограниченных размерах». Значительные расстояния между приходскими деревнями и церквями, крайняя бедность родителей, полное непонимание ими русского языка «в местах карелы и чуди», приводят к тому, что дети, «учась грамоте, должны учиться в то же время и русскому языку». В итоге стали проявляться плачевные для эффективности народного образования последствия: «многие поступают в училища не в определенное для приема время, а когда позволяют домашние обстоятельства». Все крестьянские дети учились с перерывами, они оставляли училища «прежде времени», а обучение девочек часто считалось «делом излишним» [38, л. 25]. В описании Подпорожского прихода, составленном в 1863 г., указывалось, что «дети посещают училище по распоряжению родителей, а не наставника, ходят весьма редко, то есть когда им свободно» [27, л. 18].

В отчетах благочинных ситуация рисовалась несколько иначе: «судя по тем скудным средствам, какими располагает духовенство в столь высоком и святом деле, как дело народного образования», успехи школ следовало признать «очень удовлетворительными» [32, л. 52]. Положение священников, работавших в школе, сразу же стало весьма непростым. С одной стороны, многие иереи ощущали «несовместимость своих прямых обязанностей с преподаванием в церковно-приходской школе». Забота о школе отнимала слишком много сил, требовала участия в ее обустройстве и эмоционально-психического напряжения [2, с. 377]. С другой стороны, священники «ратовали за всеобщее церковно-приходское образование крестьян, потому что видели в нем противоядие расколу и языческому суеверию» [2, с. 43]. В старообрядческой среде любые успехи школ вызывали потаенную неприязнь.

Как говорилось в миссионерском отчете, старообрядцы неохотно отпускали детей в школу, «оканчивать курса не дают, доучивая их дома по псалтири» [12, с. 13].

Позднее, в начале XX в., губернское начальство отмечало, что отношение старообрядцев к школе оказалось дифференцированным в зависимости от степени радикальности толка, к которому принадлежали приверженцы «древлего благочестия». Одни старообрядцы беспрепятственно отдавали своих детей в школы. Другие, «обучив детей в школе», заставляли их читать «старинную псалтырь», затем переучивали их «молиться по-старообрядчески» и, наконец, приучали «петь раскольнические псалмы». Третьи отдавали детей в школу только на год, а потом переучивали их «по-своему». Наконец, четвертые «совершенно» не отдавали детей в школу, а учили их дома или же оставляя «совсем безграмотными» [26, с. 42]. В итоге к усилиям священников на педагогическом поприще добавлялось их стремление преодолеть старообрядческое влияние, что позитивно отражалось на динамике становления и развития церковно-приходских школ. Идея о создании школы при каждой приходской церкви в Олонецкой епархии, как и на соседних территориях, становилась все более реальной. По утверждению епархиального архиерея, «в приходах училища существуют везде». Повсеместно в них наставниками служили священники, диаконы, причетники и воспитанники местной семинарии. Церковное начальство живо интересовалось успехами школ и с удовольствием отмечало достижения педагогов. Проведенные епископом испытания учеников показали, что «наставники преимущественно своею обязанностью считают преподавание учения веры и благочестия». В своей педагогической деятельности они пользовались «как известным по Закону Божию руководством, так и наглядною книгою – иконостасом приходских храмов и богослужением» [38, л. 7-7 об.].

В некоторых приходах одним из основных предметов преподавания стало церковное пение. В Контушском приходе Вытегорского уезда «учащиеся под руководством местного священника девочки настолько успели в искусстве

пения, что могли петь на левом клиросе во время совершения архиепископом в приходском их храме всенощного богослужения». Для «поощрения усердия» учащихся школ епархиальный преосвященный раздавал наиболее отличившимся воспитанникам наперсные кресты, иконы, Евангелия «и другие религиозно-нравственного содержания книги», а наиболее усердным наставникам объявлял благодарность [38, л. 8]. Аналогичная картина наблюдалась и в других приходах: «Дети Ведлозерского училища в чистых и светлых одеждах стояли чинно рядами у солей – мальчики около правого клироса, девочки – около левого и все вместе с поющими на клиросе твердо и согласно пели все положенные на литургии церковные песнопения» [17, с. 2].

Росту грамотности и увеличению числа школ придавалось решающее значение в деле духовного воспитания народа. Судя по отчету каргопольского благочинного, «во всех вообще приходах, где есть школы, дети исполняют долг исповеди и причастия неопустительно» [47, л. 22, об]. Данные церковной статистики позволяют судить о динамике количественного роста приходских школ. В 1883 г. в Олонецкой епархии имелась 41 школа, в 1886 г. их число увеличилось до 67, в 1890 г. – до 107, в 1893 г. до 156 школ [43, с. 115]. К 1894 г. губернское начальство констатировало, что на тот момент было «вовсе школ только в двух приходах» [25, с. 53] (речь шла о церковно-приходских школах и школах грамоты). Число учащихся в школах росло быстрыми темпами. В 1883 г. школы посещали 660 человек. За три года число обучающихся более чем удвоилось и составило 1430, а к 1893 г. число учеников приходских школ достигло 3934 человек [43, с. 127]. Однако значимые показатели, полученные при сравнении числа школ и количества церквей, оставались неблагоприятными. В Олонецкой епархии по состоянию на 1893 г. число церквей превышало число школ на 345; примерно таким же было соотношение в Архангельской епархии (348). В Вологодской епархии дела шли значительно успешнее: численность приходских храмов оказалась больше числа учебных заведений при них всего на 177 церквей [43, с. 120].

На рубеже XIX–XX вв. ситуация в сфере церковно-приходского

образования продолжала улучшаться. На общероссийском уровне большие надежды на приходскую школу возлагал влиятельный обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев [53, с. 412]. Благодаря его усилиям финансирование церковно-приходских школ повсюду заметно увеличилось [41, с. 225]. Он являлся сторонником развития именно церковно-приходских, а не земских школ, поскольку главным для него было «сохранить форму, внешние традиции русского благочестия, а не заботиться о содержании» [52, с. 29].

Финансирование школ также постепенно налаживалось: появлялись стабильные источники денежных средств. В 1902 г. Синод ассигновал на нужды школ 55 800 руб. Уездные и губернские земства изыскивали на нужды просвещения 30 121 руб., от церквей и монастырей поступил 1 581 руб., от школьных попечителей 1 788 руб., от одного из местных церковных братств – 1 052, проценты с ранее пожертвованных капиталов составили 404 руб. [20, с. 1]. Как говорилось в отчете благочинного 2 округа Лодейнопольского уезда, в начале XX в. «с увеличением числа грамотных нравственность в народе возвышается, что показывает отсутствие нескромных песен и игр и прекращение увеселений в установленные Святой Церковью посты» [31, л. 147].

На местах, в провинции конструктивная позиция центральной власти встретила поддержку. Заметную роль в числе прочих сыграло Олонецкое земство, все уездные собрания которого незамедлительно предоставили школам значительные средства. Как отмечала епархиальная печать, отношение земства Олонецкой губернии к вопросу финансирования начального образования «достаточно определилось как неизменно сочувственное» [54, с. 740-742]. В 1910 г., выступая в Таврическом дворце на заседании Государственной Думы, олонецкий депутат К.И. Казанский подчеркивал несомненный прогресс в деятельности церковно-приходских школ, достигнутый благодаря участию земств в деле народного просвещения: «Следя за деятельностью церковных школ, все уездные земства губернии приходили к ним на помощь». Поддержка предполагала финансовые вливания: «находя

ограниченность их средств», они ежегодно, «по мере роста школ, увеличивали свои ассигнования, доводя последние до солидной суммы» [4, с. 7].

Пользуясь возрастающей помощью, школы становились более многочисленными, увеличивалось их благотворное влияние на подрастающее поколение. В церковно-приходских школах появились дополнительные предметы, такие как отечественная история и география. Более того, «программы церковно-приходских школ уже почти не отличались от светских училищ» [16, с. 159]. Земские и церковно-приходские школы пользовались в основном одной учебной и методической литературой. Количество часов на религиозные и общеобразовательные предметы в них оставалось примерно одинаковым [16, с. 159]. Причина активного участия земств в развитии церковно-приходских школ представлена в современной литературе: «земцы полагали, что даже при существующих недостатках церковно-приходские школы могли бы послужить делу народного образования, так как требовали меньше затрат и были привлекательнее для крестьян» [22, с. 95], чем народные училища.

Благодаря развитию начального образования появились серьезные достижения в богослужебной сфере. Местные церковные деятели полагали, что именно школы позволят внести новые черты благолепия в церковный обиход. На педагогических курсах, организованных в Олонецкой епархии, заметное место отводилось «устройству церковных хоров» [9, с. 517]. Школы вносили существенный вклад в церковное просвещение населения. Регулярно присутствуя на богослужении, дети участвовали в пении, чтении и прислуживали священнику в алтаре. Только за 1911 г. было создано 59 новых церковных хоров, целиком состоящих из учащихся. Посещение богослужений и исповедь для учеников церковных школ стали обязательными. Там, где из-за далеких расстояний посетить приходский храм становилось невозможно, «отправлялись в самих школах или в часовнях богослужения самими учащимися» [35, с. 15].

Судя по отчету о состоянии приходских школ за 1900 г., в

Олонецкой епархии действовало 286 учебных заведений духовного ведомства, из которых 3 – «второклассные», 172 одноклассных, 109 школ грамоты и 1 воскресная школа. Общее число учащихся в церковных школах составило 9320 человек (6 246 мальчиков и 3 074 девочки). Наметились положительные тенденции. Как говорилось в отчете, «открытию новых церковных школ в отчетном году благоприятствовало, главным образом, увеличение материальной помощи со стороны земства и из казенных средств» [36, с. 7].

Успехи очевидны, но сохранялись и проблемы. Во-первых, ощущался «недостаток средств на открытие школ вновь и содержание их». От местного населения, чаще всего, удавалось получить помещение для школы. В редких случаях осуществлялся «сбор незначительной суммы на единовременный расход по приобретению необходимой школьной обстановки». Пособия от земства шли только на нужды существующих школ, а не на создание новых. Во-вторых, сохранялся заметный дефицит кадров – «недостаток благонадежных и опытных кандидатов». Между тем «по условиям края и самой учительской службы, трудной и малообеспеченной, приискать учителей для таких школ затруднительно». Наконец, в-третьих, развитию школ мешали особенности расселения: «значительная разобщенность между собой деревень, при весьма малом количестве жителей в каждой из них» [36, с. 7]. В 1899 г. произошло некоторое сокращение численности учащихся по сравнению с предшествующим годом. Объяснение заключалось в неурожае: многие дети школьного возраста отправились собирать милостыню. В некоторых случаях родители не могли прислать детей в школу из-за отсутствия необходимой одежды и обуви [36, с. 10].

Тем не менее, епархиальная печать полна оптимистическими высказываниями о влиянии церковно-приходских школ на местное население. В опубликованном в 1900 г. описании праздника в Ошевенском приходе подчеркивалась особая роль школы в духовном воспитании подрастающего поколения: «Здесь, близ храма Божия, устроена школа церковно-приходская

учить грамоте наших отроковиц по книгам церковным и божественным, по тем книгам, по которым учились в старину наши деда, <...> учат их здесь прославлять Господа молитвами и церковными песнопениями» [55, с. 25]. Учащиеся за счет средств попечителей нередко совершали паломничества в местные монастыри [7, с. 466-467], во время которых посещали храмы, участвовали в богослужении, общались с монахами [40, с. 585-586]. В епархиальной печати подчеркивалось, что благодаря взаимодействию с земством Олонецкая губерния «идет впереди очень многих губерний России». В ней «по почину земства уже разработан и приводится в осуществление план всеобщего обучения» [6, с. 441].

На рубеже XIX и XX вв. отмечались положительные тенденции в отношении местного населения к школе. «В жизни церковно-приходских школ Олонецкой епархии наблюдается всем заметное отрадное явление». Речь шла о «все более возрастающем сочувствии к церковным школам местного населения. Сочувствие прихожан к церковно-приходской школе выражается не только в том, что они все охотнее отдают в школы этого типа своих детей, <...> но и в том, что местное население в лице своих зажиточных прихожан охотно приходит на помощь церковно-приходской школе, оказывая ей значительную материальную поддержку» [19, с. 819]. Имеются данные о симпатии к школе даже среди старообрядцев. Как указывалось в отчете миссионера Каргопольско-Пудожского округа, «против школ большинство раскольников ничего не имеет». Только некоторые родители-раскольники, «отпуская в школу детей, не позволяют им молиться, есть и пить с другими учениками» [34, л. 54]. Помощь школе со стороны всех мирян выражалась в пожертвованиях, безвозмездной работе для ее благоустройства. В 1906 г. крестьяне Лекшморецкого прихода Каргопольского уезда решили бесплатно отпустить «из своей крестьянской дачи» лес, необходимый для строительства, привезти камень, глину и песок. Узнав об отрадном решении схода, Училищный Совет Синода постановил выделить деньги на строительство здания для учебного заведения. Вскоре в приходе появилась, была освящена и начала работать

собственная школа [15, с. 796]. В 1900 г. крестьяне Бадожской волости приняли решение «об ассигновании 50 рублей из сельского капитала, образовавшегося из сумм, полученных за право винной торговли в их обществе», на создание местной школы [21, л. 1].

Заметную помощь школам, организованным на приходах, оказывало Олонецкое земство. По данным за 1912 г. земство предоставляло стипендии воспитанницам Юргильской женской школы, утвердило план снабжения всех школ Лодейнопольского уезда «проекторными фонарями и световыми картинками». Вытегорское, Каргопольское, Пудожское и Повенецкое земские собрания увеличивали финансирование церковно-приходских школ [5, с. 563-564]. В ряде других публикаций подчеркивались положительные эмоции местных жителей, связанные со школой, щедрая помощь в организации церковных праздников со стороны отдельных представителей купечества. В проведении праздника в Сулажгорской школе «живое участие» принял попечитель школы купец М.А. Лейманов, который в 1894 г. «организовал постройку церковно-приходской школы в родной деревне Сулажгоре». Для благородной цели он предоставил необходимые лесоматериалы и собрал для оплаты работ свыше тысячи рублей у зажиточных уроженцев деревни [13, с. 242].

В дальнейшем благотворитель «пожертвовал для детей много подарков», прислал учащимся много «гостинцев, чаю, сахару и кренделей». Другой попечитель школы помог учебной литературой: купец Ф.И. Тихонов «прислал для раздачи детям ученикам 30 книжек разного содержания, одобренных цензурою» [3, с. 111]. Из публикаций видно, что церковно-приходские школы превращались в центры благотворительности. Петербургский купец В.Т. Максимов пожертвовал в пользу Намоевской церковно-приходской школы Петрозаводского уезда 20 полушубков, 20 пар сапог для мальчиков, 13 полусапожек для девочек и другую детскую одежду [29, с. 154]. Некоторые благодетели шли дальше: благодаря их усилиям школы получали новые здания. Для детей из Виданского прихода средства на новую школу собрал св. Иоанн

Кронштадтский [28, с. 461], в Кенозерском приходе помещение для приходской школы предоставил состоятельный торгующий крестьянин А.Ф. Нечаев [18, с. 330].

Церковно-приходская школа стала оказывать положительное воздействие и на состояние образованности приходского духовенства. Как отмечалось в отчете о состоянии епархии за 1900 г., «побуждение к самообразованию духовенство находит, между прочим, и в том, что в каждом приходе в настоящее время имеются школы, где оно обязано законоучительствовать или учительствовать» [39, л. 30]. На уроки регулярно являлись епархиальные миссионеры. Их задачей в данном случае стало усовершенствование преподавания. Как говорилось в одном из отчетов, «в школах везде стали проходить установленную программу сведений по расколу». При посещениях школ миссионерам нередко приходилось «исправлять неточности, опущения в преподавании и указывать законоучителям лучшие приемы преподавания» [33, л. 56]. Для подготовки полноценных педагогических кадров из числа работающих в церковных школах священников организовывались краткосрочные курсы, на которых обучали будущих учителей ряду значимых для среднего образования дисциплин: природоведению и географии, а также руководству церковными хорами, которые, как признавало епархиальное начальство, находились в удручающем состоянии [30, с. 541-542].

В повседневной деятельности православного прихода, организации богослужений, церковном просвещении, миссионерской деятельности школы сыграли особую роль. По сути дела, речь шла не только о появлении и широком распространении новой функции прихода, но и о возникновении альтернативного приходской церкви центра просвещения и распространения грамотности. Острая проблема «раздвоения» в церковно-просветительской сфере решалась различными способами. Во-первых, изучение документов показывает, что приходское духовенство активно использовало школы для создания церковных хоров, духовного просвещения местных жителей и борьбы против старообрядческого влияния. Во-вторых, школы сыграли определенную

роль в распространении русского языка среди карелов. В целом школам удалось внести заметные позитивные изменения в традиционный строй общественно-церковной жизни.

Список литературы

1. Авдеева А.Д. Церковно-приходские школы Московской епархии в начале XX в. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 10 (111). С. 118-126.
2. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки церковной этнографии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 416 с.
3. Вифлеемский И. Детский праздник в Сулажгорской церковно-приходской школе // Олонецкие епархиальные ведомости (ОЕВ). 1907. № 3. С. 111–112.
4. Доброе слово об Олонецкой церковно-приходской школе в Таврическом Дворце (речь Олонецкого депутата К.И. Казанского) // ОЕВ. 1910. № 1. С. 7-8.
5. Доклад Олонецкого епархиального наблюдателя церковных школ, священника Александра Крупкина // ОЕВ. 1906. № 34. С. 563-564.
6. Из жизни церковных школ // ОЕВ. 1906. № 11. С. 441-442.
7. Ильинский В. Паломничество учеников сельских школ в Ошевенский монастырь // ОЕВ. 1900. № 12. С. 466-467.
8. Инструкция приходским священникам Олонецкой епархии в деле борьбы с расколом // ОЕВ. 1900. № 22. С. 755-757.
9. К.К. Открытие краткосрочных педагогических курсов для учителей и учительниц ц.-приходских школ Олонецкой епархии в г. Петрозаводске // ОЕВ. 1900. № 13-14. С. 517.
10. Калачев А.В. Церковно-приходская школа в системе начального народного образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 4. С. 21-30.
11. Калинина Е.А. Духовное образование в Олонецкой губернии в XIX –

начале XX века. Петрозаводск: ИП Марков Н.А., 2019. 561 с.

12. Козлов И. Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола Олонецкой епархии и деятельности Епархиальной миссии против раскола и сектантства за 1911 год // ОЕВ. 1912. № 22. С. 1-23 (Приложение).

13. Кораблев Н.А. Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX – начале XX в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 269 с.

14. Краткая записка о состоянии раскола в Олонецкой епархии // Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 25. Оп. 15. Д. 2/16. Л. 5-11.

15. Крылов И. Постройка здания Боровской церковно-приходской школы и освящение его // ОЕВ. 1906. № 21. С. 796–797.

16. Кукушкина Н.А. Вопросы образования и воспитания в программах светских и церковных школ в конце XIX – начале XX в. // Православие в Карелии: Материалы научной конференции. Петрозаводск, 2000. С. 156-159.

17. Лосев С. «В Дикой Кореле» // Олонецкие губернские ведомости (ОГВ). 1902. № 12. С. 2-3.

18. Макаров Н.А. Кенозерский приход Пудожского уезда Олонецкой губернии в XVI – начале XX в // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: (материалы II Поморских чтений по семиотике культуры, проведенных в рамках XVIII Ломоносовских международных чтений, 23-27 июля 2006 г.). Архангельск: Изд-во Поморского университета, 2006. Т. 2. С. 327-332.

19. Местная епархиальная хроника // ОЕВ. 1900. № 23. С. 819.

20. Местная хроника // ОГВ. 1902. № 9. С. 1.

21. Мирской приговор об использовании денежных сумм, полученных от продажи спиртных напитков, на строительство школы // НА РК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 44/1715. Л. 1-2.

22. Монякова О. Церковь, земство и организация начального образования в провинции в 1860-е гг. // Российская история. 2013. № 2. С. 86-96.

23. Никулин М.В. Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х – конец 1870-х гг.). М.: Изд-во Ипполитова, 2006. 287 с. .
24. Новое положение о церковных школах // ОГВ. 1902. № 46. С. 3.
25. Обзор Олонецкой губернии за 1894 год. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1895. 56 с.
26. Обзор Олонецкой губернии за 1908 год. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1909. 52 с.
27. Описание Подпорожского прихода // НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 57/1248. Л. 16-18 об.
28. Островский Д. Село «Видана» // ОЕВ. 1900. № 12. С. 457-461.
29. От Олонецкого Епархиального Училищного Совета // ОЕВ. 1900. № 5. С. 154.
30. Открытие педагогических курсов для учащихся церковных школ епархии // ОЕВ. 1906. № 14. С. 541-542.
31. Отчет благочинного 2 округа Лодейнопольского уезда за 1902 г. // НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/96. Л. 147.
32. Отчет благочинного 2 округа Олонецкого уезда за 1879 г. // НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 52.
33. Отчет епархиального миссионера // НА РК. Ф. 25. Оп. 14. Д. 63/18. Л. 54-56 об.
34. Отчет миссионера Каргопольско-Пудожского округа // НА РК. Ф. 25. Оп. 14. Д. 63/18. Л. 54.
35. Отчет Олонецкого епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Олонецкой епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910-11 учебный год // ОЕВ. 1911. № 36 (Приложение). С. 15.
36. Отчет Олонецкого епархиального совета о состоянии церковных школ за 1899 г. // ОЕВ. 1900. № 20 (Приложение). С. 7.
37. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1861 год // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 61. Л. 1-49 об.

38. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1870 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 383. Л. 1-45 об.
39. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1900 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1850. Л. 1-50.
40. Паломничество учащихся Сулажгорской церковно-приходской школы в Климецкий монастырь // ОЕВ. 1900. № 16. С. 585-586.
41. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.:АИРО-XX, 1996. 144 с.
42. Правила о церковно-приходских школах. Высочайше утверждены в 13 день июня 1884 г. // Сборник правил о школах церковно-приходских и грамоты. С относящимися к ним определениями и указами Св. Синода, Училищного при оном Совета и Новгородского епархиального начальства. СПб., 1898. С. 12-13.
43. Преображенский И. Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 гг. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1897. 236 с.
44. Римский С.В. Российская Церковь в эпоху великих реформ: (Церковные реформы в России 1860-1870 гг.). М.: Издательский дом «Грааль», 1999. 568 с.
45. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения (1802-1902 гг.). СПб.: Министерство народного просвещения, 1902. Т. 1. 785 с.
46. Рункевич С. Русская Церковь в XIX в. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1901. 232 с.
47. Сведения о состоянии церквей, духовенства и прихожан за 1879 г. // НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 12-22 об.
48. Светлова Н.Е. К.П. Победоносцев и церковно-приходские школы России в начале XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2018. Вып. 49. С. 59-68.
49. Стоглав. Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче. СПб.: Воскресение, 1997. 288 с.
50. Узаконение мнений Н.И. Ильминского в высочайше утвержденных 26

марта 1870 г. правилах о мерах к образованию инородцев и в действующих ныне правилах 1 ноября 1907 г. об инородческих начальных училищах // Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и о Казанской Центральной крещено-татарской школе. Казань: П.В. Щетинкин, 1913. С. 20-21.

51. Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М.: Унив. тип., 1901. С. 5-64.

52. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (1890-1918 гг.). М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2002. 623 с.

53. Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев: «Путь к истине», 1991. 600 с.

54. Чуков Н. Пособия уездных земств Олонецкой губернии церковным школам на 1901 г. // ОЕВ. 1900. № 21. С. 740-742.

55. N.N. Школьный праздник // ОЕВ. 1900. № 1. С. 25-26.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.